

почти все были устранены редакторами Кассиановских редакций 1460 и 1462 гг. Правписание многих слов типично для периода после падения ѣ и њ, но не отражает еще процесса восстановления их на письме во время второго южнославянского влияния, например: сѣри (ср. ус. съѣри К₁, К₂, О); зѣора (ср. ус. съѣора К₁, К₂, О); възѣимъ (ср. ус. възѣимъ К₁, К₂, О); пощѣся (ср. ус. пощѣся К₁, К₂, О), и т. д. Среди обычных архаизмов отмечаем: ны (ср. нас К₁, К₂; см. текст, прим. I, 38); ти (ср. тии К₁, К₂; овии О; см. текст, прим. I, 42); формы без вторичных окончаний в именительном падеже типичны для языка списка 1406 г., но они почти все заменены младшими формами редакторами 1460 и 1462 гг.); быхъ (ср. бы К₂; см. текст, прим. I, 82); възненавидѣ (аорист заменен перфектом К₁, О; см. текст, прим. I, 24). Старый постпозитивный предлог «дѣля» заменен в К₁, К₂, О предлогом «ради» (см. текст, прим. I, 35—36), который уже в XV в. стал церковнославянским штампом. Интересно заметить, что предлогу «дѣля», особенно характерному для языка списка 1406 г., систематически соответствует предлог «ради» на протяжении всего текста патерика 1460 и 1462 гг., с редкими исключениями. Глагол «варити» в значении «предварять», как в нашем отрывке (см. текст, прим. I, 39), считался, кажется, архаическим в XV в., и в Кассиановских редакциях мы находим вместо него «предваряти». И. И. Срезневский приводит примеры «варити» в этом значении только из трех русских произведений XI и XII вв.: из Сказания о Борисе и Глебе, Повести временных лет (988, 1096) и одного из Слов Кирилла Туровского.¹⁶ Старое наречие с окончанием на ѣ — «утрѣ» со значением «завтра» (ср. утро К₁, К₂, О; см. текст, прим. I, 89) сохраняется один раз в нашем отрывке. «Мотыла» в старой форме женского рода представлена в отрывке два раза, и в обоих случаях в К₂ мы находим форму слова среднего рода множественного числа — «мотыло» (см. текст, прим. I, 94, II, 2). Судя по словарю Садника и Айцетмюллера,¹⁷ это слово в форме среднего рода не представлено старославянскими источниками; характерно, что в Лексиконе словенороссийском Памвы Берынды (Киев, 1627) мы найдем только форму среднего рода во множественном числе (как она представлена в К₂), что также свидетельствует о ее вторичности. Возможно, что редакторы 1460 и 1462 гг. даже не поняли форму местного падежа без предлога «нощи» (см. текст, прим. II, 15), потому что они заменили его словами «нишь и», хотя из контекста («нощи беспа пребывая») ясно, что наш отрывок сохраняет первоначальное чтение. В нашем отрывке читаем «стваряеться», а в К₁, К₂, О читается форма несовершенного вида вторичного происхождения с корнем «твор» — «сътворяеться» (см. текст, прим. I, 75).¹⁸

¹⁶ Срезневский. Материалы, т. I, столб. 228.

¹⁷ L. Sadnik und R. Aitzelmüller. Handwörterbuch zu den Altkirchenslavischen Texten. S.-Gravenhage, Mouton and Co, 1955 (Slavistic, Printings and Reprintings, VI).

¹⁸ «Избавя» (см. текст, прим. I, 14) является любопытным примером глагола третьего лица множественного числа без обычного окончания -тъ. Так как такие формы без окончания, насколько мы заметили, не находятся в списке 1406 г., эта форма вероятнее всего представляет здесь не архаизм, принадлежащий древнейшему слою языка патерика, но скорее диалектизм более позднего времени. Во всяком случае она, видимо, находилась в редакции первой четверти XV в.: редакторы К₁, К₂ и О (которые использовали не Арсениевскую или Фсодосиевскую редакции патерика, а список полного патерика, без сокращений этих двух редакций), кажется, встретили именно эту форму. Киевские редакторы списков К₁, К₂ «поправили» ее на «избавить», по требованиям грамматики, а редактор списка О замесил ее на «избавить», очевидно считая «избавя» формой третьего лица единственного числа. В самом деле, такие формы без окончания существуют и в настоящее время в известных юго-восточных великорусских